

Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ...

Рассказ.

Жорка не любил драться. Не потому, что боялся быть побитым или потому, что достанется от родителей за рваную рубаху, оторванную пуговицу и синяк под глазом. Нет. Просто не любил – и всё. Но однажды...

Однажды шальным майским утром, сидя в ожидании урока, он любовался сочной зеленью за окном, наблюдал за бьющейся о стекло мухой, за прихорашивающимися девчонками. Класс был полупустой, ученики входили в него, бросали или осторожно клали портфели и сумки на парты. Вот тихонько проскользнул и уселся, как нахохлившийся воробей, Борька-Хрящик, худощавый мальчишка, на котором пиджачок держался, словно на вешалке-плечиках. Так же тихо, как и вошёл, вытащил учебник, раскрыл, стараясь не шелестеть страницами, и уткнулся в текст, смешно шевеля губами. Повторял заданное наизусть стихотворение. Классная комната помаленьку заполнялась и в ней нарастал столь знакомый всем полусум, в который вплетались ребячий смешок, девчоночий шепоток, стук и шарканье подошв, шорох страниц и множество других полутонов, связанных так или иначе с учебным процессом...

Резко распахнулась дверь, и ввалился Пашка-Чувал. Чувалом у нас, на Дону, называют, стокилограммовые мешки. Пашка оправдывал своё прозвище: был широким, круглолицым, одежда на нём сидела так, что, казалось, вот-вот расползётся по швам. В общем, мешок туго набитый зерном. Парняга что-то прокричал весело и со всего размаха опустил свой портфель на голову Борьки. Хрящик как-то странно икнул, не закричал, не заплакал сразу, а затравленно-бессильно глянул на обидчика и уронил голову на учебник. Обхватил руками затылок... острые его плечи

начали вздрагивать. Задире показалось этого мало, и он съездил однокласснику по сплетённым пальцам, задорно гыгыкнув при этом.

Как Жорка подскочил к забияке – и не помнил толком. Какая-то отчаянная ярость овладела им, и, влепив Пашке оплеуху, ткнул кулаком в челюсть, потом ещё куда-то. Чувал взревел от невиданной доселе наглости, и они сплелись в клубок, который махал руками, сучил ногами, катался между рядов, сдвигая парты и опрокидывая стулья. Изловчившись, Герка сумел оседлать противника, нанёс несколько тумаков и завернул его руку за спину. От боли соперник взревел, дёрнулся, потом затих и прохрипел: «Пусти, зараза!» «А будешь ещё?» - выдохнул победитель. Чувал молчал. «Будешь?!» - повторил, заводя руку поверженного ещё дальше и упираясь ему коленом в спину. «Не буду, не буду!» - заорал побеждённый, и Жорик встал, отряхивая брюки с рубашкой...

В наступившей тишине совершенно неожиданно прозвучали слова крепыша:

- Вот придёт Тамара Васильевна, я скажу, что ты дерёшься. Я ей всё расскажу!

И только сейчас Георгий испугался. Чего-чего, а наказания «класснухи» боялся. По-настоящему. Подойдя вплотную к здоровяку, которого был ниже на целую голову, попросил:

- Пашк, не говори. А? Я больше не буду. Ладно?

И такая, наверное, огромная мольба стояла в глазах, что тот как-то смутился, потупил взгляд, помялся немного и пробормотал:

- Ладно, не скажу...

г. Вольск,
1999 г.